

ГАТЧЕНКО
Владислав Олегович

магистратура, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия),
vladislav22_01@mail.ru

КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СВЯЗИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ДОМАШНЕГО АРЕСТА: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Научный руководитель:

Калиновский Константин
Борисович

Рецензент:

Голенок Светлана
Геннадиевна

Статья поступила: 31.10.2023;

Принята к публикации:

28.03.2024;

Размещена в сети: 30.03.2024.

Аннотация. В статье рассматривается проблема контроля над соблюдением субъектом преступления запрета на использование средств связи и сети «интернет». В работе анализируется действующая система и средства контроля за указанными запретами с целью установления причин недостаточного применения домашнего ареста в сочетании с запретом на использование средств связи и интернета, исследуются предлагаемые в научной литературе предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего систему контроля. Автор приходит к выводу о необходимости изменения ст.186, 186.1 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, домашний арест, субъект преступления, запрет на использование средств связи и сети интернет, органы предварительного расследования

Для цитирования: Гатченко В. О. Контроль за использованием средств связи и сети интернет в условиях домашнего ареста: вызовы и решения // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 1. С. 56–64.

Мера пресечения в виде домашнего ареста не так часто используется правоприменителем на территории Российской Федерации. Согласно официальным данным судебной статистики, за 2022 год 7407 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста было удовлетворено судами, в то время как заключение под стражу было избрано в 87687 случаях, в 2021 году заключение под стражу было применено в 87905 случаях, домашний арест – 6828, в 2017 году заключение под стражу – 113260, домашний арест – 6442¹. За последние годы количество удовлетворённых судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста незначительно увеличилось. Безусловно, такая тенденция, в первую очередь, связана с проявлением гуманизации уголовной политики. В 2018 году в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, касающиеся назначения судами такой меры пресечения, как домашний арест. Речь идёт о законодательно закреплённом праве судов наложить на подозреваемого или обвиняемого определённые запреты. Вероятнее всего, внесение таких изменений обуславливается стремлением законодателя обеспечить более широкое практическое применение домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу путём увеличения количества ограничений и усиления контроля со стороны государства.

Возникает вопрос относительно практической реализации установленных нововведений. Почему же они не повлекли за собой столь широкого применения рассматриваемой нами меры пресечения? Для ответа на данный вопрос мы решили провести

исследование по выявлению проблем, связанных с контролем государственными органами за соблюдением подозреваемыми и обвиняемыми установленных ограничений при избрании в отношении них меры пресечения в виде домашнего ареста. Речь пойдёт о соблюдении запрета на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Данный выбор мы обуславливаем, в первую очередь, тем, что механизм контроля иных запретов урегулирован действующим законодательством и в той или иной степени позволяет обеспечить исполнение субъектами наложенной на них меры пресечения в виде домашнего ареста, что нельзя сказать о рассматриваемом нами запрете.

Следует подчеркнуть, что запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет требует тщательного контроля со стороны государства. В случае его некачественного проведения обвиняемый или же подозреваемый будет иметь возможность его нарушить, что не сможет впоследствии обеспечить беспрепятственное производство по уголовному делу и повлечет за собой неэффективность и безрезультативность применения данной меры пресечения в целом. Например, при ненадлежащем контроле субъект преступления будет иметь возможность связаться со свидетелями, потерпевшими и иными участниками по уголовному делу, тем самым оказав на них давление, путём дачи указаний на изложение обстоятельств при последующем допросе под угрозой совершения каких-либо действий либо путём предложения определённой выгоды. Впоследствии всё это приведет к тому, что соответствующий протокол допроса как одно из доказательств будет искажать объективную действительность, тем самым затрудняя установление истины по уголовному делу, и в результате не приведёт к осуществлению эффективного правосудия.

Таким образом, проблема контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет требует тщательного анализа и изучения.

В связи с тем, что законодательные изменения, направленные на ужесточение домашнего ареста как меры пресечения, не повлекли за собой его применение как альтернативы заключения под стражу, считаем выбранную нами тему актуальной.

Целью нашего исследования является анализ и выявление в действующем законодательстве пробелов и недостатков, касающихся контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет субъектами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Для достижения данной цели мы поставили перед собой следующие задачи:

- 1) На основании законодательства определить и оценить те средства и ту систему контроля, которые применяются на данный момент;
- 2) Проанализировать предлагаемые в научной литературе предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего систему контроля;
- 3) Предложить свои пути решения, направленные на устранение пробелов и недостатков, существующих в действующем законодательстве.

Согласно пп. б.1 п. 4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях (утв. постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729), «Основными задачами инспекций являются: контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений»².

В данном случае возникает вопрос о том, какие средства, установленные законодательством Российской Федерации, применяет федеральная служба исполнения наказаний в лице уголовно-исполнительных инспекций в целях осуществления контроля за соблюдением рассматриваемых запретов.

Следует отметить, что на данный момент уголовно–исполнительными инспекциями используются различные технические средства, направленные на реализацию контроля за лицами, отбывающими домашний арест. Например, подлежат применению такие средства, такие как электронный браслет, устройство аудиовизуального контроля и иные. В соответствии с п. 1, 2 Постановления Правительства РФ от 18.02.2013 № 134: «Браслет электронный – электронное устройство, надеваемое на подозреваемого или обвиняемого для его дистанционной идентификации и отслеживания его местонахождения, предназначенное для длительного ношения на теле (более 3 месяцев) и имеющее встроенную систему контроля несанкционированного снятия и вскрытия корпуса. Устройство аудиовизуального контроля – электронное устройство, предназначенное для визуальной и (или) голосовой идентификации подозреваемого или обвиняемого»³.

Доктор юридических наук С.Х. Шамсунов и старший научный сотрудник Р.М. Жилиев, рассматривая домашний арест как альтернативу заключения под стражу, указывают на то, что в 2019 году при помощи технических средств удалось зафиксировать нарушение запрета на использование средств связи и сети интернет у 3,5 % лиц, помещённых под домашний арест [Жилиев: 180].

Лишь отчасти можно признать, что применяемые технические средства направлены в том числе и на контроль за соблюдением лицом запрета на использование средств связи. Например, путём средств визуального контроля можно определить использование субъектом преступления в определённый период времени такого средства связи как мобильный телефон. Однако действующее законодательство не содержит каких-либо указаний на применение технических средств для обеспечения контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет. Кроме того, не представляется ясным, в каких местах жилого помещения, в котором происходит отбывание меры пресечения в виде домашнего ареста, могут быть установлены технические средства и в каком количестве. Также остаётся не урегулированным вопрос о том, как часто сотрудник уголовно–исполнительной системы осуществляет контроль посредством использования технических средств. В принципе в законодательстве не содержится указаний на технические средства, позволяющие осуществить контроль за использованием сети Интернет. Всё это свидетельствует о том, что для осуществления проверки за соблюдением рассматриваемых нами запретов применение технических средств является недостаточным и весьма неэффективным выходом из ситуации. Их использование приоритетным образом направлено на контроль за тем, чтобы подозреваемый или обвиняемый не покинул пределы того жилого помещения, в котором он отбывает домашний арест, а также не осуществил общение с лицами, указанными в решении суда.

С.А. Бажанов, Р.М. Жилиев в принципе указывают на то, что инспекции используют технические средства контроля (электронный браслет, мобильные контрольные устройства) для определения местонахождения подозреваемого (обвиняемого) в определённой геолокации, но не для контроля за соблюдением запрета за использованием средств связи и сети Интернет [Бажанов: 177].

Далее считаем необходимым остановиться на одноимённом приказе Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31 августа 2020 года № 189/603/87/371. В 19 пункте данного Приказа указывается на обязанность уголовно-исполнительной инспекции вести учёт фактов использования подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета на использование средств связи и сети Интернет, телефонной связи в экстренных случаях с отражением данных фактов в соответствующих журналах

учёта телефонных переговоров⁴. Под экстренными случаями понимается вызов скорой медицинской помощи, вызов правоохранительных органов, необходимость общения с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также с такими должностными лицами, как следователь, дознаватель и иные чрезвычайные ситуации.

Фактически это единственное средство, которое было обнаружено нами в законодательстве.

Остаётся не урегулированным вопрос о том, на основании каких данных ведётся данный учёт. Кроме того, согласно действующему законодательству в обязанности уголовно-исполнительной инспекции входит не только фиксация тех случаев, когда субъекту преступления (подучётному лицу) разрешено использовать телефонную связь для так называемых «экстренных случаев», но и установление тех нарушений, которые были допущены лицом вопреки вынесенного в отношении него судебного решения, выраженных в использовании им средств связи и сети Интернет.

Итак, как же следует действовать сотруднику уголовно-исполнительной инспекции для того, чтобы реализовать возложенную на него законодателем обязанность по контролю за соблюдением рассматриваемых нами запретов?

Представим конкретную ситуацию. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции направляет судебное решение или выписку из него одновременно с запросом на получение информации о связи субъекта преступления с другими абонентами, а также об использовании им сети Интернет в организацию, которая оказывает соответствующие услуги такому субъекту, а в случае отсутствия сведений о такой организации во все организации, которые действуют в рамках конкретного региона. Возникает вопрос о правомерности выдачи соответствующими организациями такой информации с точки зрения действующего законодательства. Совершенно очевидно, что предоставление данной информации будет неправомерным, поскольку законодатель в статьях 186 и 186.1 УПК РФ закрепил правомочие на реализацию контроля и записи телефонных переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами исключительно за следователями и дознавателями по судебному решению. Следовательно, представитель уголовно-исполнительной инспекции не имеет права контролировать соблюдение запрета на использование средств связи и сети Интернет подобным образом, поскольку это прямо запрещено федеральным законодательством. Кроме того, закреплённое в статьях 186 и 186.1 УПК РФ правомочие следователя и дознавателя выражается исключительно в проведении конкретных следственных действий, направленных на получение доказательств по уголовному делу. В случае осуществления контроля за соблюдением исследуемых нами запретов не требуется проведение каких-либо следственных действий, результатом которых будет выступать получение доказательств, имеющих значение для уголовного дела, поскольку, по сути, нам необходима лишь информация, с помощью которой можно будет фиксировать исключительно то или иное нарушение запрета подозреваемым или же обвиняемым. Впоследствии такая фиксация будет являться основанием для изменения меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую.

Также вполне обоснованно можно представить ситуацию, при которой сотрудник уголовно-исполнительной инспекции обращается с письменным заявлением в орган предварительного расследования с просьбой представить в суд ходатайство о производстве контроля и записи телефонных переговоров, а также о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с целью фиксации нарушения. Полагаем, что такое обращение уголовно-исполнительной инспекции также не будет способствовать достижению какого-либо результата.

Даже в том случае, если сотрудник органа предварительного расследования направит

в суд такое ходатайство, оно будет оставлено судом без удовлетворения, поскольку в представленной ситуации не будет усматриваться цели проведения данных следственных действий, предусмотренной уголовно-процессуальным законом. Речь идёт о получении соответствующей информации, имеющей значение для уголовного дела. Под последней в данном случае подразумевается получение доказательств, подтверждающих виновность подозреваемого или обвиняемого, а не информация, фиксирующая нарушение запретов.

Кроме того, согласно п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020), «Для установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ»⁵.

Таким образом, мы полагаем, что в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо достаточные механизмы, позволяющие уголовно-исполнительной инспекции реализовать свои полномочия по контролю за соблюдением запретов на использование средств связи и сети Интернет лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

В научной литературе преобладает мнение о том, что законодательство не предоставляет уголовно-исполнительным инспекциям средства, позволяющие осуществлять должный контроль. В.Б. Шабанов, Л.Ю. Буданова отмечают, что «в настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и при применении и осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за мерой пресечения в виде домашнего ареста» [Буданова: 77].

Кандидаты наук А.А. Усачев и Л.Н. Котлярова в своей работе также указывают на отсутствие в законодательстве каких-либо правовых норм, которые позволяли бы уголовно-исполнительным инспекциям получать информацию об использовании субъектом преступления средств связи и сети Интернет. Авторы упоминают о том, что сотрудники уголовно-исполнительной системы вправе представить в почтовое подразделение по месту жительства подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определённых действий или домашнего ареста, а также в организацию связи, оператору связи, услугами которых пользуется подозреваемый (обвиняемый), выписку из судебного решения [Котлярова: 37].

По мнению авторов, выходом из данной ситуации является внесение в уголовно-процессуальное законодательство дополнений, направленных на установление полномочий инспекций по получению необходимой информации.

Другие специалисты, Е.В. Ермаков, Г.А. Бурмакин, А.Ш. Габараев предлагают возложить функцию по осуществлению контроля за соблюдением запретов на использование средств связи и сети Интернет на иные органы. В своей работе они указывают на необходимость возложения контроля на органы предварительного расследования на период предварительного следствия или дознания, а после их окончания, в период судебного разбирательства, на субъекты оперативно-розыскной деятельности при наделении их конкретными полномочиями [Бурмакин: 135].

С нашей точки зрения законодательное закрепление правомочия уголовно-исполнительных инспекций на получение соответствующей информации будет противоречить принципу тайны предварительного расследования. Безусловно, ч. 2 ст. 161 УПК РФ позволяет предать гласности те или иные данные предварительного расследования с разрешения следователя или дознавателя. Однако совершенно очевидным является тот факт, что указанные субъекты не смогут абсолютно в каждом случае в полном объёме

предоставить сотруднику уголовно-исполнительной инспекции необходимые сведения, поскольку это может противоречить интересам предварительного расследования, а также способствовать нарушению конституционных прав, свобод и законных интересов субъектов преступления, что является недопустимым.

По нашему мнению, более целесообразным в данном случае является возложение обязанности по контролю за соблюдением лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, запрета на использование средств связи и сети Интернет на органы предварительного расследования. Полагаем необходимым устранить указанную обязанность, возложенную на уполномоченный контролирующий орган, и осуществить её передачу органам предварительного следствия и дознания, поскольку, как мы выяснили, установленный в настоящее время механизм по контролю за соблюдением запретов на использование средств связи и сети Интернет является фактически недействующим, а значит не реализуется должным образом.

Считаем, что представленные нами предложения по передаче функций по контролю органам предварительного расследования должны повлечь за собой внесение в законодательство определённых изменений.

Представляется, что есть смысл дополнить статью 186 УПК РФ несколькими положениями. В первую очередь, необходимо указание на допущение со стороны органов предварительного расследования контроля и записи телефонных переговоров в отношении субъекта преступления, которому судом избрана мера пресечения в виде запрета на использование средств связи и сети интернет или же избран домашний арест, на основании судебного решения, для обеспечения проверки за соблюдением возложенных запретов. Безусловно, также будет целесообразным закрепление того, что производство контроля и записи телефонных переговоров, осуществляемых в целях проверки за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) рассматриваемых нами запретов возможно на протяжении всего срока наложения данных запретов, установленного на основании судебного решения.

Мы полагаем, что ст. 186.1 УПК РФ также подлежит определённой корректировке. В первую очередь, необходимо изменить само название статьи, тем самым указав не только на соединение между абонентами, но и на получение информации об использовании сети интернет. Кроме того, данная правовая норма подлежит дополнению в части предоставления следователям и дознавателям права на получение информации о соединениях между абонентами и об использовании сети интернет в отношении лиц, которым судом избрана мера пресечения в виде запрета определённых действий или домашнего ареста, в целях обеспечения контроля со стороны органов предварительного расследования за соблюдением возложенных мер пресечения.

Очевидно, что для получения необходимой информации в целях проверки за соблюдением подозреваемыми (обвиняемыми) меры пресечения в виде запрета определённых действий или домашнего ареста уполномоченные субъекты должны возбудить перед судом соответствующее ходатайство. Соответственно, необходимо внести в ст. 186 и 186.1 УПК РФ требования к ходатайству, подаваемому в целях последующего контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети интернет, тем самым установив определённые положения и обстоятельства, которые должны быть в нём отражены.

Также обязательным в данном случае будет закрепление как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в федеральном законе «О связи» обязанности соответствующей организации предоставлять на основании судебного решения и в сроки, установленные судебным решением, следователю или же дознавателю, осуществляющим контроль за соблюдением описываемого нами запрета, информацию об использовании подконтрольным субъектом средств связи и сети Интернет.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что система и средства контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет, регулируемые действующим законодательством, являются недостаточными, ввиду чего представленная законодателем возможность применения домашнего ареста в совокупности с запретом определённых действий не повлекла за собой его широкого применения. Предлагаемые в научной литературе точки зрения по передаче полномочий по контролю за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет органам предварительного расследования являются весьма состоятельными, поскольку могут повлечь за собой усиление контроля со стороны государства за исполнением данной меры пресечения, и, как следствие, рост судебной статистики по применению домашнего ареста в сочетании с запретом определённых действий как альтернативы заключения под стражу.

При помощи предлагаемых нами новелл ст. 186 и 186.1 УПК РФ будут предусматривать не только проведение следственных действий в целях получения доказательственной базы по уголовному делу, но и осуществление действий, направленных на практическую реализацию контроля за исполнением возложенных запретов, тем самым расширяя круг полномочий органов предварительного расследования. Тем не менее, необходимо понимать, что в таком случае значительно усилится нагрузка на органы предварительного расследования. Также стоит обратить внимание на то, что вне зависимости от всего так или иначе будут присутствовать возможности по обходу указанного запрета, в частности путём использования мобильного телефона иных лиц, совместно проживающих с лицом, отбывающим домашний арест.

Примечания

¹ Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] / Агентство правовой информации. Москва, 2015-2023. URL: <https://stat.ani-npecc.pf/stats/ug/t/15/s/13?ysclid=lgudwnkcw660296506> (дата обращения 26.04.2023).

² Об утверждении положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 № 729 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 25. Ст. 2947.

³ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определённых действий, домашний арест или залог: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 года № 134 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 838.

⁴ Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определённых действий, домашний арест или залог: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31 августа 2020 года № 189/603/87/371 // Зарегистрировано в Минюсте России. 2020. № 59635.

⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 // Российская газета. 2013. № 294.

Список литературы

Бажанов С.А. К вопросу об исполнимости осуществления контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети интернет (по результатам экспертного опроса) / С.А. Бажанов, Р.М. Жияев // Закон и право. 2021. № 11. С. 176-178.

Буданова Л.Ю. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определённых действий: проблемы реализации / Л.Ю. Буданова, В.Б. Шабанов // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 75-78.

Ермасов Е.В. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно – исполнительных инспекций ФСИН России / Е.В. Ермасов, Г.А. Бурмакин, А.Ш. Габараев // Уголовное право. 2016. № 1. С. 130-137.

Жияев Р.М. Домашний арест: альтернатива заключению под стражу? / Р.М. Жияев, С.Х. Шамсунов // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 179-181.

Усачев А.А. Запрет определённых действий как новая мера пресечения / А.А. Усачев, Л.Н. Котлярова // Вестник российской правовой академии. 2019. № 4. С. 34-40.

Vladislav O. GATCHENKO

master's degree, Petrozavodsk state University
(Petrozavodsk, Russia),
vladislav22_01@mail.ru

MONITORING COMMUNICATIONS AND INTERNET USE BY INDIVIDUALS PLACED UNDER HOUSE ARREST: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Scientific adviser:

Konstantin B. Kalinovsky

Reviewer:

Svetlana Golenok

Paper submitted on: 10/31/2023;

Accepted on: 03/28/2024;

Published online on: 03/30/2024.

Abstract. This study examines the issue of monitoring compliance with prohibitions on using communication devices and the Internet by individuals who have committed crimes. The analysis delves into the existing monitoring systems and methods to determine the factors contributing to the lack of cases when house arrest is coupled with prohibition of using communications and the Internet. Additionally, the study reviews suggestions from existing scholarly works aimed at enhancing the legal framework regulating the existing monitoring system. The findings suggest the need for amendments to Articles 186 and 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal executive inspectorate, house arrest, subject of crime, prohibition of using communications and Internet, preliminary investigation bodies

For citation: Gatchenko, V. O. Monitoring Communications and Internet Use by Individuals Placed Under House Arrest: Challenges and Solutions. *StudArctic Forum*. 2024, 9 (1): 56–64.

References

Bazhanov S.A., Zhilyaev R.M. On the question of the feasibility of monitoring compliance with the ban on the use of communications and the Internet (based on the results of an expert survey). *Law and Legislation*, 2021, No. 11, pp. 176-178. (In Russ.)

Budanova L.Yu., Shabanov V.B. Application of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions: problems of implementation. *Penal Law*, 2020, No. 1, pp. 75-78. (In Russ.)

Yermasov E.V., Burmakin G.A., Gabarayev A.Sh. Issues of improvement and practical implementation of a measure of restraint in the form of home detention in the activities of probation inspectorates of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Criminal Law*, 2016, No. 1, pp. 130-137. (In Russ.)

Zhilyaev R.M., Shamsunov S.H. House arrest: alternative to custody? *Public Administration and Personnel*, 2021, No. 1, pp. 179-181. (In Russ.)

Usachev A.A., Kotlyarova L.N. The ban of certain actions as new measure of restraint. *Herald of the Russian Law Academy*, 2019, No. 4, pp. 34-40. (In Russ.)